

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

© 2004 г. М. И. Воловикова

Кандидат психологических наук, ст. научный сотрудник ИП РАН, Москва

Анализируя исторический, этнографический материал, а также результаты собственного эмпирического исследования автор раскрывает особенности представлений о правовой сфере в российском менталитете: в позитивном выражении они опираются на нравственный закон и совесть, в негативном – связаны с психотравмирующими переживаниями и потерей субъектности.

Ключевые слова: психологическая переменная, российский менталитет, моральное и правовое сознание, нравственность, совесть, субъект.

Для российского менталитета характерно особое внимание к нравственным проблемам. В тесной взаимосвязи с ними находятся правовые проблемы и представления о юридическом законе, регулирующем нравственные нормы. Эти представления в отечественном сознании исторически ассоциировались преимущественно с негативными явлениями социальной действительности в России. Вместе с тем всегда был и положительный опыт. Обращение к нему помогает понять специфику российского правосознания.

Так, например, анализ исторических и этнографических источников позволяет сделать вывод о том, что после реформ Александра II в стране бурно и активно зарождались предпосылки для развития здорового и творческого правосознания граждан, принадлежащих ко всем сословиям. Выступления таких выдающихся правоведов конца XIX – начала XX вв. как Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони получали широкий общественный резонанс. Юридические законы и право становились предметом общественного внимания, широко обсуждались и интерпретировались, т.е. выступали как объект социального мышления личности (по К.А. Абульхановой). Практика участия представителей различных сословий в судах присяжных заседателей (новшество, введенное в российский суд) говорила не только о готовности граждан грамотно оценивать виновность или невиновность подсудимых, но служила и общему росту юридической грамотности населения.

Из исторических материалов мы знаем о недоверчивом отношении россиян к юридическим законам. Однако повседневная практика обращения народа к правовым вопросам могла впоследствии стать основой развития отечественной системы правосознания, которая скорее всего отличалась бы своим позитивным содержанием от

хорошо отлаженной, но, как правило, формализованной западной системы.

Давая этнографический анализ *мира русской деревни*, М.М. Громыко [3] отмечает, что в повседневной жизни крестьяне часто обращались к юридической практике, ссылаясь на различные положения законодательства. Она приводит аналогичный вывод Н.Н. Покровского, сделанный на основании анализа крестьянских документов XVIII в. Урала и Сибири, заключаая, что закон, проникнув в крестьянскую среду, становился принадлежностью крестьянского общественного сознания. Однако происходило это в том случае, если крестьяне были заинтересованы в данном законе, который зачастую трактовался весьма специфически. Громыко отмечает также, что некоторые черты внутренней политики государства того времени, укореняя среди крестьян представления о возможности обращения к центральной власти при несправедливости ее местных представителей, способствовали укреплению в их сознании мнения о необходимости умения пользоваться законом. Среди крестьян встречались знатоки права, так, например, государственные крестьяне в своих “наказах” использовали такие понятия, как “общее благо”, “всенародная польза”, “обоюдная выгода”. Они считали, что законы должны гарантировать возможность для каждого пользоваться плодами своих трудов.

Однако юридический закон во многом оставался внешним для крестьян, поскольку их повседневная жизнь регулировалась “миром”, т.е. общиной. В ней “внутренний закон” был прописан по всем важным моментам общественного существования: разрешение конфликтных ситуаций, наказание обиженных, восстановление справедливости, поддержка немощных. В основе реше-

ний лежали нравственные принципы: доброта, милосердие, защита слабых, поддержание мира и порядка. Это “внутреннее право” имело характеристики “корпоративного права”. Проблемы начинались при его столкновении с юридическим законом. Из материалов Тенишевского бюро¹, видно, что если у крестьянина-нарушителя была возможность выбрать, от кого он должен принять наказание, то он предпочитал иметь дело с общиной, а не с государством, хотя в этом случае наказание могло быть более суровым [11]. Юридический закон еще не успел стать основой правосознания простого народа, несмотря на имевшиеся для этого предпосылки.

После реформы 1861 г. в связи со сложной перестройкой поземельных отношений обращение крестьянства к государственному законодательству расширяется. Вместе с тем, как пишет Громыко, в среде чиновной и научной интеллигенции распространяется мнение о необходимости изучения крестьянских юридических обычаев и их слияния с государственным законодательством. При Географическом обществе в Санкт-Петербурге была создана комиссия по изучению народных юридических обычаев, в ее работе принимал участие П.П. Семенов-Тянь-Шанский, который считал, что государственное законодательство должно учитывать и опираться на “обычное право” и народную практику.

Русскому народу в целом всегда было свойственно сострадание к заключенным и отрицательное отношение к мести. Православие, придерживающееся аналогичных нравственных ценностей, ставшее для русских основой самоидентификации себя как единого народа и фундаментом нравственного мировоззрения [3, 10], также определило специфику отечественного правосознания. Собственно, роль судов присяжных заседателей состояла в обращении к нравственной интуиции российских граждан, не позволяющей засудить невиновного.

Основное противоречие российской истории, может быть, состояло в тесном переплетении нравственно-духовной одаренности ее мыслителей и всего народа с чрезвычайно затрудненным воплощением нравственных максим в жизнь.

Юридические права граждан нарушались десятилетиями: история XX века – яркий тому свидетель. Россия на долгие годы оказалась “естественной лабораторией”, где нравственность и пра-

вовое самосознание граждан проходили суровые испытания.

Картина здорового и гармоничного правосознания воссоздается в работах известного философа и правоведа И.А. Ильина, который, думая о будущем своей родины, победившей в Великой Отечественной войне, написал: “России необходимо *новое правосознание*, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели” [4, с. 443]. В построении этого нового правосознания Ильин видел путь возрождения страны. Из его работ четко выступает образ человека *как субъекта правового и нравственного сознания* (в таком ярком и прямом выражении у нас он почти утерян). Ильин называл правосознание творческим источником права, живым органом правопорядка и политической жизни. Он считал, что людей без правосознания не бывает, но у многих оно одичало и приняло уродливые формы. Однако любое, даже такое неразвитое правосознание имеет значение в жизни страны.

Утверждения Ильина глубоко *психологичны* и позволяют приблизиться к пониманию глубинных оснований *субъектности* правосознания. По его мнению, творческим источником права является *внутренний* мир человека и только обращаясь к мотивам человеческого поведения можно определить как будет действовать в жизни право. Без субъекта законы остаются внешней силой, способной воздействовать только путем принуждения и репрессивных мер, причем, по мысли Ильина, закон своим специфическим образом должен преломиться в сознании и судьи, и исполнителя, и самого гражданина, которые должны принять его “в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения” [5, с. 152]. Закон не всегда бывает совершенен и справедлив, однако пока он не отменен, то должен применяться и соблюдаться по римской формуле “*суров закон, но он закон*”, поскольку это единственное средство для поддержания в стране правопорядка, не зависящего от произвола и случайностей. Трагедией для жизни любого государства оказывается неразвитое правосознание его граждан.

В психологии исследования и диагностика правосознания традиционно связаны с когнитивным направлением. Так, например, большой научный интерес представляет исследование Д. Тапп [15], в котором при опоре на теорию стадий и уровней развития морального сознания Л. Колберга [13, 14] изучались особенности правосознания в разных странах и культурах. С помощью разработанной ею методики в конце 1980-х гг. были получены данные по США, Индии, Японии, Италии, Греции и Дании. В России в 1989 г. исследование

¹ Князь В.Н. Тенишев в конце XIX в. основал “Этнографическое бюро” с целью сбора этнографических сведений о крестьянстве и горожанах. Были созданы программы сбора сведений с помощью внештатных корреспондентов. Вопросы программы касались основных моментов жизни народа: семейных традиций, праздников, верований и др. Архив хранится в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург): РЭМ, фонд 7 [11].

с применением методики Д. Тапп было проведено О.П. Николаевой [8].

Исследование О.П. Николаевой, выполненное под нашим руководством, обнаружило специфичность моральной и правовой социализации в современном (конец 1980-х гг.) российском обществе. В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, в России этот процесс либо “застревает” на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо приходит к высшему (по Колбергу и Тапп [13, 14, 15]) уровню морально-правового развития, опирающемуся на высшие этические принципы и совесть. Сравнение полученных Николаевой результатов с результатами двух исследований, проведенных нами с применением методики Тапп в 1993–1994 и 2001–2002 гг., позволило наблюдать динамику изменения морально-правовых представлений в российском обществе за последние 10–15 лет.

МЕТОДИКА

Теоретическим основанием диагностики развития правосознания является концепция морального развития Колберга, изучавшего вслед за Пиаже опыт социального взаимодействия и выделившего шесть стадий морального развития, составляющих три уровня: 1-й – *доконвенционный* (нормы – это нечто внешнее для человека и он им следует лишь под давлением авторитета или из-за страха наказания); 2-й – *конвенционный* (конвенция – поддержание норм, желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, стремление к отношениям доверия, уважения и лояльности); 3-й – *постконвенционный* (которого, по словам Колберга, достигает меньшинство взрослых и только после 20-ти лет; и лишь на высшей – 6-й стадии – следование закону и нормам определяется внутренним этическим законом – *совестью*) [13]. Таким образом, следование высшим этическим принципам – это самая совершенная, по Колбергу, стадия развития морали. Только если закон противоречит принципам справедливости и равенства, человек имеет право действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Конкретизация этих уровней и стадий применительно к правовому сознанию выглядит (по Тапп) следующим образом. На первом уровне находятся те, кто утверждает: законы предупреждают преступность, обеспечивают физическую безопасность граждан, им следуют, подчиняясь авторитету власти или во избежание наказания. Ко второму относятся те, кто считает, что законы служат поддержанию общественного порядка, их нужно исполнять, чтобы избежать хаоса и анар-

хии. Закон, даже если он несправедлив, необходимо выполнять вплоть до его отмены конституционным путем. Третий – это “уровень законотворчества”. Те, кто достигает его, осознают различие между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости. Юридические законы выступают как выражение внутренних моральных принципов.

Согласно требованиям методики, необходимо отобрать 100 человек, чтобы они индивидуально ответили на вопросы анкеты, составленной в виде клинического интервью. Для вычисления результатов 100 человек принимаются за 100%, и соответственно данные приводятся с указанием количества людей, ответивших определенным образом на каждый из вопросов. Исследования такого рода по характеру сбора данных и обработки результатов относятся к социально-психологическим и отличаются от анализа решения моральных задач, характерного для работ Колберга. Тапп подчеркивала, что социально-психологическое направление в настоящих условиях представляется ей более перспективным.

Респондента просят указать свой пол и возраст и затем ответить на следующие вопросы (соблюдая их очередность):

1) Что такое правило (поведения)? 1а) Почему именно оно называется правилом? 2) Что такое закон? 2а) Почему это является законом? 3) Зачем нам законы? 4) Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе? 4а) Как это может быть? 5) Что такое справедливый закон? 5а) Почему именно он справедлив? 6) Что такое право? 7) Какие права следует иметь людям? 7а) Почему? 8) Какие права люди имеют? 9) Что бы случилось, если бы не существовало законов? 10) Почему люди должны следовать законам? 11) Почему Вы следуете законам? 12) В каком случае могут быть изменены законы? 13) Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон? 13а) Если да, то какие это случаи? 14) Что означает выражение “быть правым”? 15) Может ли человек нарушить закон и быть правым? 15а) Если да, то как это может быть?

Рассматривая варианты ответов на вопросы анкеты и объясняя принципы диагностики правового сознания, Тапп приводит следующие примеры. Так, при ответе на вопрос № 9 (*Что бы случилось, если бы не существовало законов?*) аргументация необходимости наказания преступника как гарантии физической безопасности граждан позволяет отнести такой ответ к доконвенционному уровню развития правового сознания. Предположение о наступлении анархии, хаоса и беспорядка в обществе, не регулируемом юридическим законом, считается ответом второго, конвенционного уровня. Если ответ строится на утверждении, что члены социума должны руководствоваться в своем поведении принципами, причем проводится различие юридического закона и моральных принципов, то такой ответ относится к третьему, постконвенционному уровню

развития правового сознания. При ответе на вопросы №13 и 15 (*Могут ли быть случаи, когда было бы правильно нарушить закон? Может ли человек нарушить закон и быть правым?*) простое “да” без аргументации и “нет” с аргументацией (закон неизменен; в своем постоянстве он подобен физическим законам), а также утверждение, что между юридическим законом и законами морали нет различия, позволяют отнести ответы к доконвенциональному уровню. Ответы “да” с аргументацией (законы хороши не на все случаи жизни, так как связаны с жестокостью или составлены жестокими людьми, однако чрезвычайные обстоятельства могут оправдать нарушение закона) – это ответы конвенционального уровня. Для постконвенционального уровня характерны ответы “да” с аргументацией, связанной с общественной пользой, разумными целями, возможностями законотворчества. На самом высоком уровне находятся те, кто оправдывает нарушение закона, если тот безнравственен или несправедлив и нарушает моральные принципы, например, права человека.

Мы дополнили эту методику микросемантическим (по А.В. Брушлинскому) анализом высказываний, что позволяло выявить случаи, когда закон в процессе суждений выступает либо как *психологическая переманная*, либо как константное, неизменное основание при построении мысленных допущений. При этом мы исходили из теоретических положений концепции С.Л. Рубинштейна о роли внутренних условий (сознания, совести) в нравственном развитии человека [9]. Применение микросемантического анализа позволило выявить новые перспективы методики Тапп, состоящие в представлении возможности *нарушить закон* и при этом *быть правым*. При проведении исследования мы предполагали рассмотреть пути разрешения данного противоречия в суждениях испытуемых. Таким образом, основная цель нашей работы состояла в стремлении раскрыть конкретные проявления возможных противоречий между личностно и социально значимыми представлениями [1]. Использование методики Тапп на всех этапах исследования дало возможность наблюдать динамику нравственно-правовых представлений российских граждан в течение последних 10–15 лет, позволяя определять явления, психологически изменчивые и константные.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Первый этап сбора эмпирических данных был проведен О.П. Николаевой в 1989 г. [8]. Сто студентов Курского пединститута *анонимно*, в *письменной форме* ответили на вопросы анкеты. Анонимность в конце 80-х гг. XX в. была необходи-

мым условием получения искренних ответов по теме *право*.

В 1993–1994 гг. мы провели новый этап исследования. На анкету ответили 100 студентов из Москвы и Смоленска. Среди них была организована группа доверительного общения, дававшая ответы *устно* в процессе клинической беседы (отметим, что в этом случае аргументация была более развернутой, а высказывания более откровенными).

В 2001–2002 гг. нами был проведен следующий этап исследования, в котором также 100 молодых человек ответили на вопросы анкеты Тапп.

Полученные на всех этапах исследования ответы подвергались традиционному для данной методики анализу (т. е. определению уровня морально-правового развития – по Колбергу и Тапп), а также контент-анализу. На первом и последнем по времени этапам исследования мы остановимся более подробно.

Если для западного правосознания закон является реальной, действенной силой и тема, связанная с юридическим законом, обсуждается с интересом, то иная картина наблюдается у нас. Закон вмешивается в судьбу человека при трагическом стечении обстоятельств. В связи с этим тема правопорядка для многих наших соотечественников зачастую связана с травмирующими переживаниями, поэтому обсуждается она неохотно.

Есть и объективная причина трудностей, возникающих при обсуждении юридических вопросов, на которую обращено внимание в предисловии к книге И.А. Ильина. Она связана с отсутствием правовой грамотности населения [7]. Это подтвердилось на всех этапах проводимого нами исследования.

В конце 80-х гг. отмечалась большая скованность в ответах на вопросы о праве, объяснения были с большим количеством *советских* речевых штампов: “ради интересов народа”, “ради общего дела”, “права человека закреплены Конституцией” и т.п. Говорилось о воспитательной функции закона (ни разу не упомянутой студентами из других стран). Единственная тема 80-х, по настоящему искренне обсуждаемая – это равенство закона по отношению ко всем гражданам (по данным Николаевой, суммарно это 18% ответов [8, с. 109], тогда как ни в одной стране, где проводила исследование Тапп, не было подобных ответов о необходимости равенства всех перед законом).

Многое помогли разъяснить искренние ответы испытуемых, полученные нами в 1993г. в доверительно организованном общении [2]. Так же как и для наших соотечественников конца 80-х, тема законности оказалась одной из самых болезненных. Результаты опроса показали слабую степень осмысления законов, норм и правил поведения. При этом почти 90% респондентов при пост-

Таблица 1. Распределение ответов в российской выборке 2001–2002 гг. на вопросы о причинах следования закону

Уровень, которым можно диагностировать ответ	Вопрос № 10 (Почему люди должны следовать законам?)	Вопрос № 11 (Почему Вы следуете законам?)
I из-за страха наказания	27	16
II ввиду конформности	28	35
III по этическим причинам	52	44
0 не нужно следовать	3	5

Примечание. Распределение ответов, представленное в таблицах, – здесь и далее – может выходить за 100%, так как некоторые испытуемые давали не один вариант ответа. Вопросы, где число отказов отвечать превышало 25%, исключались из дальнейшего анализа.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос №10 (о причинах необходимости следовать законам)

Уровни	Россия, 1989г.	Россия, 2001–2002
I из-за страха наказания	33	27
II ввиду конформности	51	28
III по рациональным причинам	12	52

роении суждений использовали закон в качестве психологической переменной, допуская возможность нарушить закон и при этом чувствовать свою правоту (“быть правым”).

Таким образом, если исходить из уровневой концепции Колберга и Тапп, большинство наших соотечественников по вопросу о *нарушении закона* можно отнести к третьему уровню морального развития. Однако ответы на другие вопросы диагностируют второй или даже первый уровень. Анализируя ответы московских студентов в нашем исследовании 1993 г. в группе доверительного общения, можно заметить, что очень “неприятный”, с точки зрения отвечающих, вопрос мог вызвать эмоциональный взрыв: “*во-первых, смотря какому (закону следовать – М.В.), а во-вторых, я еще не полная идиотка, чтобы забывать о себе как о человеке*” (жен., 22 г.); пример из мужской выборки: “*Я стараюсь выполнять те законы, которые удобны мне и другим людям, а если эти законы не удобны мне и другим людям, то я на них плюю и плевать буду*” (муж., 24 г.). Мы пришли к выводу, что кроме указанного Колбергом доконвенционального уровня существует и *до-доконвенциональный*. Это те случаи, когда закон по степени участия в жизни становится как бы не существующим. Испытуемые начала 90-х годов XX в. вспоминали процессы над “врагами народа”, говорили о необходимости солгать на суде, чтобы человека не засудили, о возможности нарушения финансового закона (чтобы не разориться) и т.п.

Если испытуемые Тапп утверждали, что они следуют закону по аргументам более высокого порядка, чем *другие люди*, то в российской выборке такое приукрашивание себя как “юридического лица” наблюдалось реже: естественное следствие из отсутствия отношения к закону как к *ценности* (см. табл. 1).

Новое, что мы смогли заметить на последнем этапе исследования, это осознание некоторыми молодыми соотечественниками того факта, что с юридическим законом они знакомы слабо. С другой стороны, приходит понимание жизненной необходимости соблюдения закона: “*С законами – беспредел, а без законов – даже страшно подумать*” (жен., 22).

Сравнение некоторых результатов, полученных по методике Тапп в других странах (1986–1987 гг.) и в России (1989г. и 2001–2002 гг.)², можно проиллюстрировать с помощью ряда других таблиц.

Как видно из табл. 2, ситуация в России меняется. Так, на третьем уровне находятся те, кто утверждает, что люди должны следовать законам по рациональным причинам законопослушности, из-за чувства справедливости. Число таких лиц к началу третьего тысячелетия возросло почти в четыре раза. Количество лиц, находящихся на первом уровне, т.е. утверждающих, что следовать закону необходимо из послушания или страха наказания, почти не изменилось, однако уменьшилось почти в два раза число ответов, которые можно отнести ко второму уровню, говорящих о желательности морального поведения, чтобы избежать хаос в обществе.

Затруднительно делать определенные выводы при сравнении данных, полученных в одной стране и на аналогичной по составу выборке, но в разные периоды. Однако методика Тапп, с нашей точки зрения, позволяет осуществить некоторый мониторинг происшедших изменений в представлениях наших сограждан о праве и законе. Они сводятся к тому, что постепенно уходит страх, связанный с юридическим законом, практически исчезли ответы типа “не знаю” и отказы отвечать, ответы стали более развернутыми, правовые вопросы начали вызывать определенный интерес. Однако сравнение с другими странами позволяет говорить о том, что в нашей стране все еще заметно отчуждение закона от человека.

Особенно это становится явным, когда речь идет о правах (вопросы № 7–8 – *Какие права людям следует иметь? Какие права они имеют?*). Если в 1989 г. отмечалось около 50% ответов типа: “Советские люди имеют право на бесплатное лечение, учебу”, то в 2000–2002 гг. ответы рас-

² Данные, полученные в 1993–1994 гг., подсчитывались не по всем параметрам.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос № 5 – *Что такое справедливый закон?*

Уровни	США	Россия, 1989 г.	Россия, 2000–2002 гг.
I Закон справедлив, так как он принят	34	16	0
II Закон поддерживает порядок в обществе	52	30	5
III Закон защищает права человека	9	21	26
Аргументы, которых нет у Тапп:			
а) соответствие моральным ценностям, закону совести;	–	19	12
б) учитывает интересы всех сторон;	–	–	26
в) такого закона нет	–	–	14

пределились следующим образом. Люди должны иметь: право на труд (24)³, на сохранение жизни (17), на отдых (15), образование (14), свободу (12), свободу слова (11), самореализацию (10), медицинскую помощь (9), безопасность (7), собственность (7), достойное существование (4) и др. Отмечены также ответы: “все” (12), “разные” (4), “все, которые прописаны в Конституции” (3), “права, отраженные законом” (3). Они говорят о том, что пока еще людей мало интересуют их права. Хотя по сравнению с 1989 годом ситуация заметно изменилась. Появились упоминания Декларации прав человека, совершенно невозможные в советские годы⁴, обозначилась тема безопасности, увеличилась значимость темы свободы (совести, слова, мысли, передвижений, вероисповедования, право на личную жизнь). Однако при ответе на вопрос о том, какие права люди имеют, вновь проявилась проблемность сферы гражданских прав, иллюстрируемая такими, например, ответами: “Перечислить не смогу, знаю, что не все, которые должны иметь” (муж., 20 л.); “Формально – многие, а практически никаких” (жен., 20 л.); “По конституции все те, которые необходимы, или почти все, а в реальной жизни все эти права действуют до поры до времени. Например, милиция может обвинить в чем угодно любого законопослушного гражданина” (жен., 21 г.). Итак, хотя пока отмечается слабый интерес к конкретному знанию прав человека, сохраняются представления о том, что эти права нарушаются.

В представлениях о справедливом законе также произошли изменения: стало больше высказанных вслух обид на исполнителей закона, исчезли “штампы” советской эпохи, свидетельствовавшие о степени полной отчужденности человека от закона (табл. 3)

В России аргументация, связанная с апелляцией к нравственному закону, изменилась слабо. Появилось конструктивное отношение к закону: “он должен учитывать интересы всех сторон”. И

³ В круглых скобках указано количество ответов такого типа.

⁴ А.А. Славская отмечает: “Для российской личности восприятие положений Декларации может быть абстрактно-умозрительным...” [12, с. 86].

вместе с тем стали нередкими утверждения, отрицающие возможность справедливого закона: “такого закона нет”.

Общей характеристикой российского правосознания, отмечаемой во все периоды нашего исследования, является опора на нравственные принципы. В ответе на вопрос № 15 (*Может ли человек нарушить закон и быть правым?*) это наше наблюдение можно проиллюстрировать таким примером: “Человек может нарушить юридический закон и при этом не нарушить, а наоборот, соблюсти закон высшего для себя порядка (например, его совести) – тогда он будет прав и для себя, и для тех, кто разделяет его иерархию ценностей” (жен., 33 г.). В целом ответы на данный вопрос распределились следующим образом (табл. 4).

В каждом временном срезе у нас обнаружилось следующее: общее количество лиц, утверждающих, что закон *нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах*, остается практически неизменным и колеблется от 10 до 15% от общего числа отвечающих. Как видно из таблицы № 4, в 1989 г. это было 15%, в 2001–2002 гг. – 13%. Кроме того, по данным нашего исследования 1993–94 гг., 10% отвечавших сказали, что закон нарушать нельзя, мотивируя это нравственными причинами. Мы высказали предположение о некоторых *личностных инвариантах* такого отношения к закону. Дело в том, что утверждения о самоценности закона в условиях нашего исторического опыта, часто очень негативного, практически необъяснимы. Если по поводу результатов исследования конца 80-х гг. мы могли предполагать наличие *страха, привычки отвечать “как положено”*, то

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос № 15 – *Может ли человек нарушить закон и быть правым?*

Уровни/страны	США	Россия, 1989 г.	Россия, 2001–2002 гг.
I нельзя	18	15	13
II при экстремальных условиях	64	39	37
III по высшим этическим принципам	15	36	50

в середине 90-х и в начале 2000 гг. причин для подобного страха нет: это уже другое государство.

Отличительной особенностью нашей выборки является способность видеть противоречивость картины и умение различать одно от другого, что можно проиллюстрировать такими ответами: *“Теоретически – нет (нельзя нарушить закон и быть правым – М.В.), на практике в наше время и в нашей стране – да”* (муж., 20 л.); *“Когда человек по морально-этическим соображениям не может поступить по-другому, а закон это еще не предусмотрел”* (жен., 30 л.); *“С точки зрения закона – нет, с точки зрения человека – может”* (жен., 27 л.).

Отмечались ответы, которых не было ни на одном из предыдущих этапов исследования: 5% респондентов слова “быть правым” поняли как “быть оправданным в суде”, что подтверждают такие ответы: “если будет много денег”, “если будет хороший адвокат”. То есть кроме отмеченных выше позитивных сдвигов в развитии правосознания граждан, появляется новый тип отчуждения от закона: вместо “ценности” закона человека интересуют лишь “цена” (покупная) оправдательно-го приговора.

При положительных ответах на последние вопросы анкеты (*Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?*) в 2000–2002 гг. использовалась следующая аргументация:

- сложная экономическая ситуация (*“украсть хлеб для ребенка”* – жен., 32 г; *“сейчас очень много людей малоимущих, которые по вине правительства остались безо всего и у них просто нет другого выхода”* – жен., 22 г; *“зайдите к своему бухгалтеру – он Вам расскажет”* – муж., 25 л);

- несовершенство самой правовой системы (*“если закон не является справедливым в конкретном случае”* – жен., 21 г; *“законы пишут люди, а человек всегда может ошибаться, тем более не секрет, что один и тот же закон можно трактовать по-разному”* – жен., 21 г; *“обычно законы в большей степени защищают чиновников, чем граждан”* – муж., 19 л.);

- противоречие юридического закона нравственному (*«у нас в России формальный закон не преобладает – это на Западе; у нас живут “по правде”, по неписанным нормам»* – муж., 21 г; *“когда человек защищает свой внутренний закон”* – жен., 27 л; *“если поступок обусловлен морально-этическими нормами”*)

- экстремальность ситуации (напомним, что у испытуемых Тапп встречается преимущественно такая аргументация).

Готовность подвергать сомнению сам закон, обсуждение причин, когда его можно нарушить *“и при этом быть правым”*, позволяли Тапп говорить о достижении данным испытуемым уров-

ня *законотворчества*. Однако в условиях отечественной ментальности особенно интересны случаи утверждения *самоценности* закона. Приведем некоторые из этих примеров: *“Потому что его нарушение приводит к нарушению в жизни не только того, кто его нарушил, но часто и в жизни другого человека”* – жен., 23 г; *“потому что если не следовать законам, то это выходит за рамки системы, что ведет к развалу общества”* – муж., 24 г).

Аргументация в пользу соблюдения закона, как видно из этих фрагментов, свидетельствует о высоком уровне развития правового сознания, включающего понимание последствий того или иного деяния, поступка для многих людей, для всего социума. В то же время противопоставление нравственности юридическому закону представляет как бы самый низкий (1-й) уровень развития правосознания. Личность становится *субъектом права*, когда приходит к пониманию ценности закона, тогда как с представлениями о возможности использовать закон в качестве *психологической переменной* связана опасность утраты субъектности, иллюстрируемый примером: *«В основном законы нужны “им”, чтобы нас ограничивать»* (муж., 28 л.). Когда закон становится внешним для людей, они сами перестают быть *субъектами права*. Этому содействует и *нарушение закона* лицами, которые по профессиональным обязанностям должны его охранять. Нарушения законности вызывают психотравмирующие переживания, отчуждающие юридическую сферу от тех, кому она должна служить.

В данных нашего исследования есть рассказ студенток из Смоленска о пьяных милиционерах, на глазах собравшихся застреливших собаку, выведенную на поводке пожилым человеком на прогулку – только за то, что пес залаял (известно, что собаки не переносят пьяных). Рассказчицы оправдывали месть пострадавшего *“представителям власти”*, считая случившееся примером того, как можно нарушить закон и быть правым. В сюжетах о *самосуде* обнаруживается желание торжества справедливости, но достигается оно методами, несовместимыми с законом. Тема мести, по словам одного из испытуемых, появляется от *чувства незащищенности*.

В случае мести человек остается субъектом своей жизни, но перестает быть субъектом права, ставя себя вне закона и над ним, беря на себя роль судьи и исполнителя приговора в то время, как здоровое правосознание позволяет сосредоточиться на реальных нарушениях *духа закона*, совершенных, возможно, и самим *“самозванным судьей”*. Путь мести – путь постоянного *воспроизведения* все тех же неразрешимых противоречий, тогда как путь здорового правосознания дает ус-

ловия перехода на *духовно-нравственный* уровень решения всей проблемы.

Главной трудностью, с которой столкнулись современные суды присяжных, является не то, что участие в них не столь почетно и ответственно, как это было до революции. В настоящее время заметно стремление “защитить” человека, даже явного преступника, от карающего воздействия закона. Однако это не касается тех юридических вопросов, по поводу которых у граждан страны и соответственно – у присяжных заседателей сложилось определенное и четкое представление. Например, терроризм, угроза жизни мирных граждан не находят сочувствия в суде присяжных. Социальная действительность непредсказуемо меняется буквально на протяжении жизни одного поколения. Другими становятся и представления людей о юридическом законе и праве. Результаты наших исследований показывают, что этот процесс носит не простой характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нравственно-правовые представления в российском менталитете имеют свою специфику, которая обусловлена отечественной историей.

В предреволюционный период в России существовали предпосылки для развития здорового и творческого правосознания граждан страны, основанные на народных обычаях и традициях, связанные с оживлением всех проявлений общественной жизни в пореформенный (после реформ Александра II) период, в том числе и ростом интереса граждан к юридическому закону и участию в судебном процессе выборных народных заседателей.

Практика несоблюдения юридического закона государственными структурами в советский период отразилась на правосознании граждан (потеря позитивного интереса к юридической сфере, нагнетание страха и недоверия). Сфера, связанная с законом и юридическим правом стала психотравмирующей для российских граждан.

Позитивной основой российского правосознания является опора на нравственный закон (внутренний закон совести).

Сравнение динамики изменения представлений о юридическом законе и праве за период с конца 1980-х до начала 2000-х гг. позволяет обнаружить определенные позитивные сдвиги, связанные с более точным знанием прав и законов.

Сохраняется психологическая готовность нарушить закон (и при этом считать себя “правым”), что ведет к отчуждению российских граждан от закона. Отмечается появление до-

конвенционального уровня развития правосознания.

Установлено: число лиц, считающих, что законы нельзя нарушать, осталось практически неизменным за период последних 15-ти лет и колеблется в интервале от 10% до 15% выборки. Делается предположение о существовании определенного типа личности – “личностного инварианта”, для которого закон является психологической константой. Наличие такого личностного типа служит опорой правосознания в условиях резких социальных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М.: ИП РАН, 2002. С. 88–103.
2. *Воловикова М.И., Гренкова Л.Л., Морскова А.* Утверждение через отрицание // Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления). М.: ИП РАН, 1996. С. 86–98.
3. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
4. *Ильин И.А.* О русской идее // Русская идея. М., 1992.
5. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
6. *Ильин И.А.* Основы государственного устройства. М., 1996.
7. *Лисица Ю.* Проблемы государственного строительства и гражданского общества. Предисловие к книге: И.А.Ильин. Основы государственного устройства.... М., 1996. С. 10.
8. *Николаева О.П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 1992.
9. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2002.
10. *Русские / Отв. Ред. В.А. Александров, Н.С. Полищук.* М., 1997.
11. РЭМ, ф. 7: *Архив Российского этнографического музея, фонд 7.*
12. *Славская А.Н.* Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: ИП РАН, 1997. С. 75–93.
13. *Kohlberg L.* Moral stages and moralisation // Moral development and behavior. Holt, Rinehart & Winston. N.Y., 1977. P. 31–53.
14. *Tapp J.L., Kohlberg L.* Developing senses of law and legal justice // Law, justice and the individual in society. N.Y., 1977. P. 89–105.
15. *Tapp J.* Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N.Y., 1987.

MORAL AND LEGAL IDEAS IN RUSSIAN MENTALITY

M. I. Volovikova

Cand. sci. (psychology), senior researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow

The author reveals the distinctive features of Russian mentality ideas concerning legal conceptions: from their positive side they rely on moral principles and conscience, from their negative side they are related with traumatic experience and loss of subjectivity. These conclusions are confirmed by analysis of historical and ethnographical material and the results of the author's empirical research.

Key words: psychological variable, Russian mentality, moral and legal consciousness, morality, conscience, subject.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ В СЕМЬЯХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

© 2004 г. В. П. Левкович

Кандидат философских наук, доцент, Московский гуманитарный университет, Москва

Представлены результаты исследования особенностей супружеских отношений в семьях предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин. Показано, что в семьях предпринимателей-мужчин и еще в большей мере в семьях предпринимателей-женщин наблюдается негативная тенденция в изменении супружеских отношений по сравнению с семьями, где мужья и жены являются наемными работниками. Это нашло отражение в более высоком уровне конфликтности супругов, снижении уровня удовлетворенности браком, уменьшении количества стабильных и увеличении проблемных и нестабильных семей.

Ключевые слова: предпринимательство, уровень стабильности семьи, удовлетворенность браком, уровень конфликтности супругов, сфера взаимодействия супругов.

Переход к рыночной экономике и изменение форм собственности в России привели к стремительному развитию предпринимательской деятельности и формированию новой социальной группы – предпринимателей. Предпринимательство как вид экономической деятельности – это самостоятельная, осуществляемая с риском деятельность, направленная на получение прибыли, связанная с распоряжением ресурсами, которые являются собственностью предпринимателя [6]. Предпринимательство как специфическая экономическая деятельность способствует формированию соответствующих качеств личности бизнесменов и социально-психологических характеристик их деловой активности. Оба эти феномена успешно изучаются в зарубежной и в отечественной психологии [6].

Ряд важных социально-психологических аспектов деятельности предпринимателей, например, общение и взаимодействие их с деловыми партнерами, анализировались многими исследователями, но малоизученной остается такая значимая сфера жизни предпринимателей, как их семья и взаимоотношения в ней супругов. Однако можно предположить, что предпринимательская деятельность формирует не только особые личностные качества бизнесменов, но в значительной

степени определяет и характер взаимоотношения супругов. Вместе с тем эта проблема изучена недостаточно. Были предприняты отдельные попытки исследования особенностей супружеских отношений в семьях, где мужья занимались предпринимательством [3], а также – взаимоотношений супругов-партнеров по совместному бизнесу [4].

В современных условиях предпринимательская деятельность привлекает не только мужчин, но и женщин. Поэтому очень актуальным представляется изучение особенностей супружеских отношений в семьях, где предпринимательством занимаются мужья, и в тех семьях, где этой деятельностью заняты жены.

Задачей нашего исследования было выявление особенностей взаимоотношений супругов в семьях предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин.

Объект исследования – супружеские пары в возрасте до 42 лет, проживающие в городах Москве и Нарофоминске. Обследовалась случайная выборка, состоящая из 26 семей с предпринимателями-мужчинами (группа № 1) и из 26 семей с предпринимателями-женщинами (группа № 2). В обеих группах семей предприниматели работали в сфере среднего бизнеса.